

Александрова-Осокина Ольга Николаевна

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА 30-Х ГГ. XIX В. О ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

В статье рассматривается один из этапов в истории становления жанра паломнического путешествия - 30-е гг. XIX в., в этот период паломническое путешествие, типологически связанное с древнерусским хождением, начинает осознаваться не в системе жанров древнерусской литературы, но как явление, связанное с религиозно-философскими, духовно-нравственными проблемами современности. Литературная критика этого времени, увидевшая актуальность возродившегося жанра, осмысливает его жанрово-стилевые параметры и вписывает паломническое путешествие в жанрово-стилевую систему духовной словесности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 14-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

CHRISTIAN MEANING OF F. M. DOSTOEVSKY'S AESTHETIC WORLD OUTLOOK

Akulova Larisa Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
akulova47@bk.ru

The article examines the issues connected with the ethical-philosophical and aesthetic views of F. M. Dostoevsky. The address to this theme is connected with the author's aspiration to conduct a profound analysis of the writer's worldview and creative work. Special attention is paid to revealing the Orthodox foundations of the ethical-aesthetic views of F. M. Dostoevsky. The topicality of the paper is determined by the necessity to comprehend the writer's creative work again that is connected with the appearance of superficial attitude to the worldview and aesthetic views of F. M. Dostoevsky in the contemporary periodical press and public consciousness.

Key words and phrases: aesthetics; ethics; Christian worldview; absolute ideal; absolute perfection; truth; kindness; beauty; salvation.

УДК 82-4; 82-43

В статье рассматривается один из этапов в истории становления жанра паломнического путешествия – 30-е гг. XIX в., в этот период паломническое путешествие, типологически связанное с древнерусским хождением, начинает осознаваться не в системе жанров древнерусской литературы, но как явление, связанное с религиозно-философскими, духовно-нравственными проблемами современности. Литературная критика этого времени, увидевшая актуальность возродившегося жанра, осмысливает его жанрово-стилевые параметры и вписывает паломническое путешествие в жанрово-стилевую систему духовной словесности.

Ключевые слова и фразы: литературная критика; духовная проза; паломническое путешествие; образ автора-паломника; художественное мировосприятие.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, д. филол. н, доцент
Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета
osokina-11@mail.ru

**ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА 30-Х ГГ. XIX В.
О ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-64-01000.

Возрождение паломнической литературы в первой половине XIX в. (началом этого процесса можно считать появление книги А. Н. Муравьева «Путешествие ко Святым местам», 1832 г.) происходит в атмосфере религиозно-духовного подъема эпохи романтизма. В это время религиозные идеи и настроения находили отражение в творчестве многих русских писателей; православный тип мировосприятия стал основой «русской идеи», связался неразрывно с мыслями о национальной истории, русском характере, российской государственности (см.: [2]), пробуждается интерес к духовному наследию Древней Руси, начинает складываться религиозная эстетика (см.: [5]).

В этом контексте паломническое путешествие выходит на заметные позиции в историко-литературном процессе: появляются сочинения о путешествии в Святую Землю, которые привлекают внимание критиков: Д. В. Дашков «Русские поклонники в Иерусалиме»; отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г. («Северные цветы», 1826), А. Н. Муравьев «Путешествие ко святым местам в 1830 году» (СПб., 1832), А. С. Норов «Путешествие по Святой земле в 1835 году» (СПб., 1839). Если в начале XIX в. критика писала, что паломнические путешествия относятся «к числу книг, которые любят читать и перечитывать наши грамотные простолюдины, и <...> мало представляют любопытного для читателей высших сословий» (см.: [12, с. 228]), то уже к 30-м гг. XIX в. проза этого типа привлекает внимание критиков как явление современной литературной жизни.

Отмечая преемственность между паломническим путешествием и древнерусским хождением, исследователи подчеркивали высокое духовное содержание этой прозы: так И. П. Сахаров рассматривал хождения как явление духовной словесности, которая «имея бесчисленные источники в творениях русских духовных писателей, составляет драгоценное богатство нашей грамотности» (см.: [15, с. III]).

Духовное содержание древнерусских хождений подчеркнул Н. В. Гоголь. В рецензии для пушкинского «Современника», посвященной изданию «Хождения» Ионы (Маленького) (1836 г.), он писал, что эта литература составляет любимое народное чтение: «Путешествия в Иерусалим производят действие магическое в нашем народе. Это одна из тех книг, которые больше всего и благоговейнее всего читаются» (см.: [6, с. 200-201]). Эпитет «благоговейный», связанный с церковнославянской лексикой, подчеркивает, что в народе отношение к «хождениям» было таким же, как к церковному слову и духовным стихам, источником этого отношения является не познавательный интерес, не любопытство, но потребность приобщиться к духовному знанию, почувствовать через книгу свою сопричастность Святым местам. В заметке Гоголя обозначена важная

характеристика религиозно-эстетической природы паломнической прозы, сущность которой заключается в религиозно-практическом характере этой литературы. На паломнические путешествия (хождения), по мысли писателя, читатель проецирует любовь к Святой Земле, которая, по словам Гоголя, есть «признавательная черта, сохранившаяся в русском племени, за тот свет, который некогда истекал оттуда» [Там же]; ценность литературного произведения, таким образом, заключается не в предметно-тематическом содержании, не в стилевых достоинствах, а в передаче религиозного духа священного пространства.

Как значимое событие в процессах литературно-критического осмысления паломнической прозы может быть рассмотрена рецензия А. С. Пушкина на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие ко Святым местам в 1830 году». Эта работа является частью задуманной (но не осуществленной) статьи «О новейших русских романах», которую писатель намеревался поместить в литературной газете «Дневник» (см.: [16]). Думается, что намерение рассмотреть паломническое путешествие в контексте романной прозы не было случайным, а отразило проницательность А. С. Пушкина, как критика: в содержательной полноте произведения А. Н. Муравьева он увидел новый, «романный» тип мировосприятия, в котором, говоря словами М. М. Бахтина, «началось взаимоосвящение культур, идеологий и языков» (см.: [3, с. 220]).

Свое впечатление от книги Пушкин определяет так: «с умилением и невольной завистью прочли мы книгу г. Муравьева» [11, с. 180]. Если «невольная зависть» может быть вызвана стремлением самому пройти путем паломника, то слово «умиление» в контексте религиозно-церковного понимания, обозначает «сокрушение сердечное, смирение, сожаление» [Там же]; это «есть непрестанное мучение совести, которое прохладяет сердечный огонь мысленною исповедью перед Богом» [Там же]. Исследователь В. В. Лепяхин, обративший внимание на слово «умиление» в пушкинском стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны», подчеркивает, что «умиление <...> тесно связано с молитвой: молитва – это и средство для стяжания умиления, но чистая молитва вместе с тем и плод умиления» [8, с. 77]. Таким образом, А. С. Пушкин обозначил особый тип пафоса всего произведения, связанный не с эстетическим восприятием, а с религиозно-духовным, и обозначил необходимость особого, духовного, а не эстетического подхода к анализу сочинений подобного типа.

Идеи небольшой пушкинской рецензии могут быть рассмотрены как принципы «новой эстетики», выдвигающей на первый план не собственно эстетические характеристики произведения, но религиозно-эстетические. Так, Пушкин пишет: «Во время переговоров среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя, один молодой поэт думал о ключах св. храма, о Иерусалиме...» [11, с. 180]. Воедино сводятся два измерения человеческого существования: историческое и религиозно-духовное; преходящее и вечное; суетное и вневременное; задается духовная иерархия для понимания истории: в масштабе религиозно-духовного, христианского мировосприятия победа в русско-турецкой войне 1829 г. (Адрианопольский договор, который рассматривается историками как «торжество отечественной внешней политики» (см.: [1])) оказывается малостью перед вечным непреходящим смыслом Священных событий.

Пушкин подчеркнул, что тематическое разнообразие (и даже содержательная пестрота), присущее жанру путешествия вообще, в паломническом путешествии оказывается подчиненным пространственной и ценностной иерархии Святых мест: автор «беседует со странным преобразователем Египта, проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и караванами верблюдов, вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Иерусалим» [11, с. 180]. Акцентируется значимость человека, автора-паломника, в сознании и душе которого и происходит встреча многоликой современности и Священной Истории.

Важным является и внимание Пушкина к Иерусалиму, который видится им не только как религиозная святость, но и как символ культуры христианского мира, и в этом качестве противопоставлен «Парфенону и Ликее», как символу культуры античной. В забвении христианских святынь ради «суетных развалин Парфенона и Ликей» писатель видит тенденции духовной жизни современности. В таком контексте значение паломнического путешествия Муравьева видится как факт историко-культурного масштаба, как духовное действие, возрождающее утраченные в современном обществе идеи христианской культуры.

Выдвинуты в рецензии Пушкина и требования к образу автора паломнического путешествия: здесь противопоставлены два типа художественного отражения действительности: характеристикой первого типа является авторская задача украсить, эстетически переосмыслить мир, представить индивидуальное творчество; второй тип художника – это «верующий, смиренный христианин», который руководствуется не «суетным желанием обрести краски для поэтического романа, <...> беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного» [Там же], это «простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах перед гробом Христа Спасителя». Автор паломнического путешествия, выполняет в первую очередь не «художественные задачи», а практические религиозно-духовные – моление и покаяние, он выступает не как «писатель», но как «паломник». Таким образом, возрождается тип автора, присущий древнерусской и церковной словесности: выполнять не свою, личную, волю, но Высшую. Иной характер носит и тип авторского мировосприятия (авторской эмоциональности) – он в этом случае близок такому, какой сложился в древнерусской или церковной словесности: доминирующим восприятием здесь оказывается вера, смирение, простодушие. Таким образом, Пушкин проницательно почувствовал историко-культурную и духовную значимость жанра паломнического путешествия.

В этом же ключе осмысливали паломническое путешествие и критики 30-х гг. XIX в. На страницах журналов «Душеполезное чтение», «Русский Вестник», «Журнал Министерства Народного просвещения», «Маяк», «Современник» анализировались ценностные, содержательные, художественные закономерности и возможности этой формы творчества.

Ведущий голос в изучении паломнической прозы принадлежал Журналу Министерства Народного Просвещения (ЖМНП), в публикациях которого паломническая литература осмысливалась в свете религиозно-эстетического мировосприятия православной культуры и народных духовных традиций. Круг проблем, затрагиваемых в журнале, связан с историческими, религиозными и эстетическими явлениями паломничества в Святую Землю: и духовно-религиозное и историческое предназначение Иерусалима, тема турецкого владычества в Палестине; проблема конфессиональной разобщенности и разрозненности. Святая Земля видится как духовный центр христианской культуры, о чем свидетельствует и поэтическая фразеология материалов: «места, освященные стопами Спасителя», «места Всемирного Искупления», «колыбель Религии, поэзии и образованности рода человеческого», «священная земля, в коей возросло величественное дерево христианства», «земля, исполненная свидетельств любви Божией к людям» [7, с. 755].

Критики журнала пишут об особой тематике паломнической прозы. В рецензии на книгу А. Ламартина «Воспоминания, впечатления, мысли и очерки во время путешествия по Востоку» (1835) критик подчеркивает, что в сочинении «не должно искать верности описаний, точности очерков, справедливости замечаний и наблюдений, словом, ничего, составляющее достоинство путевых записок <...> в этой книге должно искать <...> не статистических наблюдений, но поэтического раздумья над колыбелью Религии, поэзии и образованности рода человеческого», видеть в ней «поэму, исполненную чувств Христианских» [13, с. 182-183].

Е. Бутович-Бутовский задачи паломнической литературы видит в том, чтобы обновлять религиозное чувство, пробуждать души современников, напоминая им «древнее благоговение предков наших к Святой Земле» [4, с. 172].

Критикой была отмечена специфика авторского «чувства пространства»: автор-паломник, находясь впервые в Палестине, не чувствует себя чужестранцем в географическом и культурном пространстве Святой Земли: читая сочинение Норова «нередко, кажется, видишь странника, возвращающегося на родину после многолетнего отсутствия. Сердце его трепещет, грудь наполняется то радостью, то печалию, каждый встречаемый предмет возбуждает воспоминание, надежды, скорбь» [Там же]. Автор-паломник посещает «сию землю не для того, чтобы делать в ней наблюдения или собирать сведения, но для того, чтобы повергнуться там перед Гробом Искупителя, <...> излить свои горячие, пламенные молитвы, молитвы христианина» [13, с. 185]. Палестина, будучи фактически «незнакомой» паломнику, в духовном отношении оказывается для него «родным домом», в который он всегда стремился и, наконец, вернулся после долгого странствования.

По мнению критиков, путеводителем, научным и духовным источником для автора в исследовании Палестины может быть только Библия, ориентация на которую установит и необходимую духовную иерархию. Авторский пафос и характер мировосприятия обусловлены христианской верой. Формулируется представление о роли автора в паломническом тексте: по мнению критики, он всегда выступает в двух гранях: «ученого <...> и христианина, набожного, желавшего насладиться умирительным вдохновением мест, освященных стопами Спасителя» [14, с. 193-194]; «авторское вдохновение должно быть “чуждо всякого мирского тщеславия”» [4, с. 173].

Е. Бутович-Бутовский подчеркнул преемственность паломнической литературы XIX в. и традиций русской православной культуры, и древнерусской словесности, как звенья единого историко-литературного процесса рассматриваются также «светская» и церковная словесность: «Отечество наше с давних времен пылало усердием к местам Искупления человечества. Сколько путешествий совершено туда нашими благочестивыми паломниками, <...> начиная с знаменитого Данила» [Там же, с. 174].

Таким образом, уже в 30-е гг. XX в. – время появления паломнического путешествия центре литературной жизни – в литературной критике были сформированы подходы к пониманию содержательной, ценностной и эстетической значимости паломнической литературы. «Паломническое путешествие» рассматривалось как разновидность духовной прозы; подчеркивалась связь этого жанра с древнерусской и церковной словесностью. Тип авторского пафоса в этих сочинениях характеризовался такими категориями христианской антропологии как «благоговение», «умиление», «простодушие», «смирение» [8; 9, с. 76]. Жизненность этого жанра виделась в том, что он отражал сущностные стороны русской культуры, связанные с православной верой, это же определило и тот факт, что паломническая литература была одинаково интересна и близка людям всех сословий. Обращаясь к анализу паломнических путешествий, описывающих русские религиозные святыни, критики особенно подчеркивают, что эти произведения несут в себе глубокий нравственный потенциал, обращены к национальным чувствам – патриотизму, чувству Родины, ощущению культурно-исторического родства со своим народом и национальному самоуважению.

Список литературы

1. **Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией** // Под стягом России: сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 102-116.
2. **Аношкина В. Н.** Православные основы русского романтизма // Современное прочтение русской классической литературы XIX в. М.: Пашков дом, 2007. С. 38-55.
3. **Бахтин М. М.** Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.
4. **Бутович-Бутовский Е.** Рец. Путешествие по Святой земле в 1835 году, Авраама Норова // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1838. Ч. 20. № 10-12. С. 171-191.
5. **Бычков В. В.** Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
6. **Гоголь Н. В.** Путешествие к святым местам // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М.: Изд-во АН СССР; Л.: Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), 1937-1952. Т. 8. 1952.
7. **Дьяченко Г. М.** Полный церковно-славянский словарь. Репринтное изд-е (М., 1900 г.). М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993.

8. Лепяхин В. В. Отцы пустынноики и жены непорочны... Опыт подстрочного комментария // А. С. Пушкин: путь к Православию / сост., подг. текстов, прим. А. Н. Стрижева. М.: Отчий дом, 1999.
9. Лествица. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Изд-е 7-е. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1908.
10. Моторин А. В. Теория русской словесности. Великий Новгород, 2013. 300 с.
11. Пушкин А. С. «Путешествие к св. местам» А. Н. Муравьева // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 7. Критика и публицистика. 1978. С. 180-181.
12. Рецензия б/а // Московский телеграф. 1826. Ч. 11. № 17-20. С. 228-229.
13. Рецензия б/а // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1835. Ч. 8. № 10-12.
14. Рецензия б/а // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1838. Ч. 19. № 7-9.
15. Сахаров И. П. Путешествия русских людей в чужие земли. СПб., 1837.
16. Юрьева И. Ю. Христианская тема в критических статьях Пушкина 1830-х годов // Пушкинская эпоха и христианская культура: сб. статей по материалам традиционных христианских пушкинских чтений. Вып. 5. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Православной культуры, 1994. С. 105-109.

LITERARY CRITICISM OF THE 30S OF THE XIX CENTURY ON THE SPIRITUAL-ESTHETIC CONTENT OF PILGRIM PROSE

Aleksandrova-Osokina Olga Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Pedagogical Institute of Pacific National University
osokina-11@mail.ru

The article examines one of the stages of the history of the formation of the genre of pilgrimage – the 30s of the XIX century; during that period pilgrimage, typologically connected with the Old Russian ‘walking’, started to be perceived not within the system of the genres of the Old Russian literature, but as a phenomenon connected with the religious-philosophical, spiritual-moral problems of contemporaneity. The literary criticism of the 30s of the XIX century, having seen the topicality of the revived genre, conceived its genre and style parameters and inscribed pilgrimage into the genre and style system of spiritual literature.

Key words and phrases: literary criticism; spiritual prose; pilgrimage; image of author-pilgrim; artistic world perception.

УДК 821.112.2

Статья посвящена тематике «космического зрения» в прозе немецкого фантаста Пауля Шеербарта (1864-1915). В данной работе проанализирован мотив превращения человека или обитателя иной планеты в парящий глаз. Эта метаморфоза рассмотрена во взаимосвязи с мотивом превращения живого существа в небесное тело на примере ключевых текстов немецкого фантаста. В статье предложены два варианта интерпретации цепочки образов «тело» – «небесное тело» – «космический глаз»: метонимический и метафорический.

Ключевые слова и фразы: Шеербарт; глаз; космос; «Лезабендио»; Мюнхгаузен; телескоп.

Беларев Александр Николаевич

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва)
abelarev@gmail.com

ОБРАЗ КОСМИЧЕСКОГО ГЛАЗА В ПРОЗЕ ПАУЛЯ ШЕЕРБАРТА

Особенностью художественного мира Пауля Шеербарта является интерес к визуальному, к световым образам (блестящее, прозрачное, сияющее), а также понимание революционного перерождения человека или инопланетного существа как обретения нового зрения. К этому необходимо добавить влияния «оптической» символики европейской мистики и натурфилософии. Нельзя забывать и о внимании Шеербарта к философии Беркли и Канта (и неокантианцев) (см. об этом [9, S. 119-123, 125-127]), у которых проблема познания и его границ выходит на первый план. Поэтому неслучайно, что глаз как основной инструмент познания и его главный символ приобретает у Шеербарта первоочередное значение.

Данная работа ставит целью анализ мотива превращения разумного существа или небесного тела в парящий глаз в прозе Шеербарта. Этот мотив связан у немецкого фантаста с тематикой астрономических наблюдений и проблематикой обретения разумным обитателем космоса нового, планетарного мировоззрения. Новый взгляд на мир изображается Шеербартом буквально как новое зрение, преображение глаза. Проблематика соотношения личности и одушевленного космоса может быть интерпретирована с точки зрения соотношения части и целого, поэтому образ космического глаза анализируется в данной статье как космическая синекдоха. Данная проблема, в свою очередь, будет связана нами с метонимической мотивной цепочкой: обитатель планеты – планета. Метафорическое сопоставление личности с одушевленным космическим телом и изображение космической метаморфозы в виде превращения разумного существа в планету в прозе Шеербарта приобретает метонимическое измерение. Обитатель планеты способен буквально слиться с собственной планетой, и это слияние изображено как пространственный переход с одного уровня космоса на другой. Следующим шагом становится превращение личности-планеты в космический глаз. Этот образ, как будет показано ниже, является точкой пересечения и взаимовлияния целого ряда смысловых полей художественного мира Шеербарта.